
Александр КУРАПЦЕВ

* * *

Парк всего одиночества —
самый спокойный парк,
все бывшие и небывшие
с гербариями в руках,
тонкие и прозрачные,
радуясь и кружась,
приходят и дарят прошлое,
сколько кому не жаль.
Засохшие листья памяти
по-старому шелестят,
бывшие и небывшие
о сбывшемся не грустят,
но радость их тает, тает,
мгновение погоды,
они устают кружиться
и молча глядят, глядят.
И в свете фонарном блеклом,
как в невесомом сне,
друг друга не узнавая,
расходятся в тишине.
Тени ли, наваждение
или фантомная боль...
Я был в этом тихом парке
и видел себя с тобой.

* * *

Проводница провожает взглядом разных
Пассажирообразных
Пассажирообразные проводницу съели бы тут как тут
Но другой не дадут
Она улыбается им нежно и ласково
Под марлевой маской
Разливает чай горячие вкусные
А глаза грустные-грустные

Александр Курапцев родился в 1981 году в Донбассе, с 2014 года проживает в Санкт-Петербурге. Пишет стихи, песни, рассказы, выступает как автор-исполнитель. Член Межрегионального Союза писателей (Донецкое отделение). Участник ЛИТО «Пиитер». Один из авторов коллективного сборника о войне в Донбассе «Строки мужества и боли» (2015), участник съезда Международного сообщества писательских союзов в составе делегации поэтов Донбасса (Москва, 2015), XXXII Конференции молодых литераторов Северо-Запада (2016), сборника гражданской поэзии «Донецкий кряж» (2021) и антологии «Великий Блокпост» (2022).

Раздает вздыхая билеты-квитанции
Теплая и простая
Вот вы все сойдете сейчас на станции
А я останусь

* * *

вагон вагону брат	стучит гремит скрипит
и тягловая сила	но мы его не слышим
всеведущий ведущий	гадаем о своем
упрямо и насильно	храпим и громко дышим
а мы вагону кто	и сонный проводник
немыты и небриты	с улыбкой грустной постной
чай гоняем в нем	нам выключает свет
живем как паразиты	и звук и сон и воздух

* * *

Идешь такой по городу спеша,
и все вверх дном и задом наперед,
спускаешься в подземный переход,
а там —
Иван-душа.

Бездонные, бездонные глаза.
Откуда ты, родимый, и куда?
Кругом вода и времени беда,
закрыт
базар-вокзал.

Я из него, из них и из тебя,
стою, пою у бездны на краю,
как жили мы и корчились в раю,
любя
и не любя.

Ведь мы родные братья пустоты,
красивые и тихие, как снег,
и говорим во сне, и слышим смех,
поём
и я, и ты.

Кладешь монеты мелкие в чехол,
держи, Иван-душа, прощай, прости,
и хочешь, но не можешь отойти,
стоишь
и смотришь в пол.

* * *

человек стоит и ждет
день проходит год проходит
в небе ходит пароходик
в море тонет самолет
дождь пришел и не уходит
ни назад и ни вперед
человек живет и ждет

человек умрет и ждет
просто ждать сюда поставлен
позабыт и пооставлен
сто веков тому вперед
руки паутиной стали
ноги превратились в лед
в голове сквозняк поет

пожалейте человека
подмените на посту
на калиновом мосту
накормите чебуреком
он спасает красоту
с новым годом поздравляйте
зацелуйте в усы
молодильных яблоч дайте
холодильной колбасы
и тогда он сам воскреснет
и посмотрит на часы

* * *

Мы втиснулись в троллейбус в Симферополе,
глазами и ушами долго хлопали,
пока он каракатицей катился
в распахнутую ялтинскую печь.
И справа возвышались горы заумы,
плескалось море слева динозаврами,
и Гелиос на небе кипятился
и норовил кого-нибудь испечь.
И мы шкварчали, потные и томные,
и покрывались корочкою темною,
что даже чайки воротили морды,
истаивая в дымной синеве...
мы вспоминали, как философ Дима
твердил, что не бывает в мире Крыма,
и с умным видом отражался гордо
в чернильной застывающей Неве.

* * *

за одним окном снега
за другим пурга и мга
вальки ходят вперевалку
и миколки на рогах
кто-то ехает в москвы
кто-то ехает обратно
все родимые как пятна
нерадивой головы

все такие господа
все хотят туда-сюда
а отседа да отседа
не приходят поезда
вот заходит проводница
проводами скрежеща
и глаголит проводница
проводницами шкварча
не достроил демиург
ни москвей ни подмосковий
за билеты платим кровью
едем прямо в ленинбург
все воскликнули да-да-
даже лучше право слово
хоть во мгу хоть в пикалево
наливайте господа
пей до дна и будем ехать
хоть до страшного суда
вы отседа мы туда

* * *

и ночь как дичь и сам как сом
плывешь усат и невесом
вдоль моря озера реки
пуская пар и пузырьки
и тень с тобой плывет сама
то человека то сома
и говорит на языке
не понимаемом никем
ты за собой ее ведешь
и переводишь и крадешь
пытаясь из себя извлечь
ее неведомую речь
она темна и не видна
ее успеешь достать со дна
ее испей до дна до дна
кругом одна она одна

* * *

по вагону ходят пауки
воздух разделяя на пайки
и пространство делят на сегменты
предъявив права и документы
к пауку подходит проводник
назови пароль аккаунт ник
тот сначала стусевался сник
а потом в проводника проник

как божок в проводнике зажил
и на чайник лапки наложил
и у всех потребовал билет
у кого на чай билета нет
тот обуреваемый виной
вылезает на ходу в окно
я лежу на полочке серчаю
и как черт хочу отведать чаю
проводник окошечком страшает
эх любимая прости-прощай

* * *

человечек боже мой
до чего же ты беспечный
и не очень человеческий
смерть принес в мешке заплечном
сам принес к себе домой

из чего она одна
ловко скроена и сшита
из какого алфавита
писем смайликов открыток
из какого полотна

на себя ее надел
всю обнюхал и потрогал
будто бороду у бога
вроде смерти было много
но ее не разглядел

перед зеркалом стоял
отражения листая
лайки с плюсиками ставил
смерть сидела как влитая
с черной рамкой по краям

он смотрел смотрел в нее
так и не найдя ответа
заявил тогда на это
значит смерти больше нету
и ушел в небытие

* * *

электричка приходит в шесть и привозит смерть
станция будто есть а города будто нету
говорящие чайки с воронами договаривают во сне
контролеры потеряли контроль и не проверяют билеты

слышен стон под железнодорожным мостом
под автомобильным — звонит и звонит мобильный
и нескорая помощь с покосившимся ржавым крестом
вопиет в матюгальник голосом замогильным

господа мертвецы начинайте ставить дома
чтобы было где оставаться во время оно
из окрестных болот наползает белая тьма
комсомольцы спешат круговую занять оборону

пулеметы молчат молодцы друг на друга стучат
то меняют цвета и лета то теряют обличья
и горят не сгорая в глуши шалаши ильича
и вещают из них голоса то медвежьи то птичьи

* * *

чучелко-подчучелко	чучелко-подчучелко
голова тряпичная	рукава бумажные
голова отличная	и глаза подложные
держится едва	с пуговкой на дне
знает много всякого	там такая музыка
злого неприличного	мертвая и страшная
собирает бусинки	что темно смотреть в нее
песенки-слова	и лежать под ней
ай затянет чучелко	скачут скачут по небу
песенку-чудесенку	огненные конники
всюду как подкошенный	рубят сны и головы
валится народ	звезды и кресты
и рыдает радостно	мы под ними корчимся
и горюет весело	сырые и голые
и глядит затравленно	и ошметки космоса
небу в черный рот	ловят наши рты

* * *

поезд едет чух-чух-чух
вам на север нам на юг
мы сидим на разных полках
разных елках разных толках
все в наклейках и наколках
у провала на краю

поезд едет чах-чах-чах
весь в мощах и овощах
весь болезный и железный
скорый хворый бесполезный
мы в него опять залезли
чтобы слушать и молчать

поезд едет ту-ту-ту
набирает высоту
набирает навороты
отвороты-повороты
речевые обороты
превращаясь в пустоту